

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ**¹²

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

В последние годы в российской юридической литературе можно отметить постоянное внимание к проблемам юридической техники [6, 12, 16, 20, 27, 30, 33, 34, 41, 47, 57, 58, 74, 79, 81, 83 и др.], а с введением в научный оборот термина «юридические технологии» [28, С. 76] появились специальные исследования по этой проблематике [5, 13, 15, 19, 25, 29, 31, 35, 49, 53, 62, 84]. Теперь трудно представить ситуацию, при которой юридические технологии связываются исключительно с техникой построения силлогизмов¹³.

Тем не менее, как нам представляется, полноценная теория юридической техники в нашей стране пока не создана, отсутствует устоявшееся определение юридической техники, ее составных элементов, роли и места в правовой сфере [24].

Важно отметить, что требует самостоятельного научного исследования проблема нормативности дефиниций юридической техники и ее составных элементов.

Нуждаются в разработке вопросы об особенностях подготовки отраслевых и межотраслевых актов, соотношения норм общего и специального законодательства, локальных нормативных и индивидуальных актов, судебных и др.

В юридической науке существует немалое количество точек зрения о понятии юридической техники [2; 33; 36, С. 7; 58, С. 10; 72]³. И если попытаться систематизировать имеющиеся в современной литературе мнения о понимании сущности юридической техники, то они могут быть сведены к следующим группам:

1) некоторые авторы рассматривают юридическую технику как совокупность средств, приемов создания права [43, 59, 73 и др.];

2) другая точка зрения нашла свое отражение в работах Д.А. Керимова, который, например, отмечает, что законодательная техника – совокупность исторически и практически сложившихся правил образования и изложения правовых институтов,

¹² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

¹³ Подробнее о силлогизмах как виде дедуктивного умозаключения см.: Егоров С.Н. Силло-гизм. СПб., 2007; Гетманова А.Д. Логика для юристов. М., 2008; Михалкин Н.В. Логика и аргу-ментация в судебной практике. СПб., 2004.

правовых норм и статей правовых актов в целях достижения совершенства форм выражения действующего законодательства [38, 39, 55];

3) существуют иные точки зрения, например, что юридическая техника есть достигнутая степень совершенства нормативных или правоприменительных актов [9, 21]; или определенная доктрина [10], но они не получили распространения. Например, продолжительное время российские правоведы отождествляли законотворчество с научной деятельностью, полагая что «правотворческое познание не имеет каких-либо принципиальных отличий от научного познания вообще» [66]. Однако постепенно зарождались сомнения в справедливости такого понимания гносеологической природы законотворчества, а в конце 80-х годов XX века законотворчество и вовсе было объявлено видом ненаучного знания. Как отмечал В.М. Баранов: «Правовые нормы представляют собой вид ненаучного знания. Правотворческие органы целенаправленно познают реальность, но задача познания не стоит перед ними в качестве самостоятельной. В результате знание, «помещаемое» ими в норму права, хотя и основывается на правовой науке, но возникает как ее «побочный продукт» и этим отличается от «чисто» научного» [3]. В понятии «юридическая техника» термин «юридическая» является привязкой к виду деятельности, указанием на ту социальную сферу, в которой применяется.

Можно прийти к выводу о том, что на данный момент в российской правовой науке отсутствует универсальное определение понятия и содержания юридической техники. Обобщив и проанализировав имеющиеся определения сущности и содержания юридической техники, можно заключить, что для целей настоящего исследования все же необходима определенная их систематизация по критерию, который имеет для понимания ее сущности конституирующее значение. По нашему мнению, таковым выступает предназначение, цель юридической техники.

По этому критерию в самом общем виде можно условно классифицировать все имеющиеся подходы на две основные группы.

Авторы концепций, которые можно отнести к первой группе, при их создании исходили из того, что юридическая техника в качестве автономного института и объекта научного исследования создана для того, чтобы с помощью объединенных в ней системных элементов конструировать правовые акты-документы [2, 55, 56, 68, 78 и др.].

Другие ученые видят основное предназначение юридической техники в содействии не только созданию самих правовых актов-документов, но и осуществлению сопутствующей этому деятельности¹⁴.

Если попытаться сконструировать определение юридической техники в пределах первого подхода к ее предназначению, которое удовлетворило бы всех разделяющих его авторов, то получится довольно приблизительное и широкое определение, в соответствии с которым юридическая техника – это совокупность элементов (средств, правил, способов, приемов, методов), при помощи которых создаются правовые документы.

Создание более детального и жизнеспособного определения не представляется возможным, так как, придерживаясь единого мнения о цели существования, предназначения юридической техники, ученые по-разному понимают, какие конкретно документы создаются при помощи средств и правил юридической техники, какая конкретно созидательная часть процесса конструирования этих документов ею охватывается, какой инструментарий входит в содержание юридической техники, какова ее сущность и т. д.

¹⁴ В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, А. Нашиц, А.А. Ушаков, Т.В. Кашанина, С.В. Бахвалов, А.А. Деревнин и др.

Например, А.С. Пиголкин относит к этим правовым документам только нормативные акты [56, С. 10], Д.А. Керимов – правовые акты как нормативного, так и ненормативного характера [37, С. 3], А.А. Тенетко – также процедурно-процессуальные и юрисдикционные акты [68, С. 45, 162-184].

Следующее принципиальное несовпадение в позиции авторов, видящих основным предназначением юридической техники конструирование текстов правовых документов, наблюдается при решении вопроса о том, какую часть созидательной процедуры создания этих актов охватывает юридическая техника: только конструирование текста или создание такого текста в сознании автора на интеллектуально-волевом уровне.

Другие авторы в рамках того же подхода к пониманию предназначения юридической техники (как средству создания текстов правовых документов) говорят о более широком спектре ее возможного применения. Это объясняется тем, что они включают в область охвата инструментарием юридической техники также предшествующий непосредственному конструированию этого текста этап познания подлежащих урегулированию общественных отношений, этап создания его идеального, нематериального содержания (образа), концепции правового акта в сознании его творца (законодателя, правоприменителя и т. д.).

Так, раскрывая сущность законодательной юридической техники, Б.В. Чигидин пишет: «...основное назначение юридической техники в том, чтобы наиболее полно и правильно «перевести» акт-волеизъявление в акт-документ, отобразить в тексте документа подлинную волю правотворца. Достичь же этого без определенных гносеологических операций невозможно» [78, С. 24]. Причем к таким операциям, именуемым им правилами юридической техники, он относит в том числе «...точное определение предмета регулирования нормативного акта» и «...познание разработчиком нормативного контекста создаваемого правового акта» [78, С. 78].

Таким образом, представив наиболее известные концепции юридической техники авторов, которых объединяет единое видение предназначения этого института права в способствовании созданию правовых документов, можно отметить следующее. Во-первых, несмотря на единство в указанном выше принципиальном вопросе о предназначении юридической техники, они по-разному трактуют вопрос о видах искомых правовых документов, создание которых и должна обслуживать своим инструментарием юридическая техника. Во-вторых, эти же ученые не сходятся во мнениях об объеме охвата средствами юридической техники этапов юридической деятельности по созданию этих правовых документов.

Теперь обратимся к анализу концепций второго выделенного нами подхода к пониманию предназначения юридической техники, в рамках которого, как уже отмечалось, юридическая техника рассматривается учеными не только как инструментарий, созданный для принятия правовых актов на уровне сознания их создателя и конструирования на основе этого текста соответствующего правового документа, но и как институт, призванный обеспечить правотворческую, правоприменительную, правооуществительную (в зависимости от позиции автора) деятельность, сопутствующую непосредственному созданию правового документа¹⁵.

При этом авторы, признающие, что указанная сопутствующая деятельность все же охватывается инструментарием юридической техники, либо исходят из единства двух этих ее предназначений, объединяя их в одном понятии (В.М. Баранов, С.В. Бахвалов, Н.А.

¹⁵ Например, В.Н. Карташов и Н.А. Власенко в рамках этого подхода наряду с понятием «юридическая техника» используют понятие «юридическая технология».

Власенко, А.А. Деревнин, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина), либо разграничивают юридическую технику на две части, стороны, говоря о понимании ее в двух смыслах (А. Нашиц, Ю.А. Тихомиров, А.А. Ушаков)¹⁶.

Как правило, авторы, различающие юридическую технику в двух смыслах, понимают под юридической техникой в узком смысле образование, предназначенное для создания текстов правовых документов, а предназначение юридической техники в широком смысле видят в содействии организации и осуществлению сопутствующей этому юридической (и не только) деятельности. Например, в современной работе и законодательная техника, и правоприменительная техника, и техника договорной работы рассматриваются исключительно как правила и приемы создания и оформления соответственно нормативного правового материала, процессуальных документов и договоров [41].

В отличие от них, ученые, рассматривающие юридическую технику как единое, сложное, системное образование, предназначенное одновременно и для создания текстов правовых документов, и для оформления, организации предшествующей этому и последующей деятельности, не выделяют в качестве самостоятельной цели юридической техники создание только текста правового акта, исключая из нее интеллектуально-волевою деятельность субъекта по принятию этого документа.

Вместе с тем, взгляды сторонников узкого и широкого подходов к пониманию юридической техники на то, для чего предназначена специально выделяемая ими в самостоятельное образование юридическая техника в широком смысле слова, разнятся.

Подводя итог анализу понятий юридической техники, отнесенных нами ко второй группе, отметим следующее.

Между учеными, полагающими, что предназначение юридической техники не только в создании текстов правовых документов, но и в содействии осуществлению деятельности, сопровождающей этот процесс, отсутствует единство в вопросе о видах создаваемых при помощи инструментария юридической техники правовых документов, а также в том, какие этапы сопутствующей этому юридической (и не только) деятельности охватываются этим инструментарием.

Представляется, что из двух рассмотренных выше подходов предпочтителен второй. Действительно, сведение предназначения юридической техники только к созданию текстов правовых документов (или еще уже – только текстов нормативных правовых актов) делает существование юридической техники как самостоятельного института в теории права не имеющим перспектив развития.

Названные подходы в определении предназначения юридической техники обуславливают ее классификационное многообразие по иным критериям.

Так, Т.В. Кашанина, обобщив позиции ученых относительно разновидностей юридической техники, берет за основу классификацию юридической техники, предлагаемую Ю.А. Тихомировым, и вслед за ним выделяет технику законодательную, систематизационную, инкорпоративную, интерпретационную и правоприменительную [33, С. 47].

Достаточно новаторскую классификацию юридической техники предлагает Б.В. Чигидин, который определяет ее как «...видовую категорию по отношению к технологии

¹⁶ Применительно к концепции В.Н. Карташова следует подчеркнуть, что определение им юридической техники в составе юридической технологии, как науки, и отдельно, как реального процесса, не сближает, тем не менее, его позицию с теориями узкого и широкого понимания юридической техники. В выделяемых нами в самостоятельную группу концепциях сторонников понимания юридической техники в двух смыслах она рассматривается как реальный процесс, в то время как В.Н. Карташов отмечает и идеальную ее ипостась.

подготовки проектов правовых актов» [78, С. 37-38]. Таким образом, исходя из заявленной Б.В. Чигидиным видовой принадлежности родового понятия юридической техники, в научном обороте, помимо законодательной техники, техники ведомственных нормативных правовых актов и техники правоприменительных актов, также существуют технологии подготовки проектов указанных актов. На этом основании можно продолжить мысль автора и выделить такие подвиды юридической техники, как техника подготовки нормативных правовых актов, техника подготовки ведомственных нормативных правовых актов и техника подготовки правоприменительных актов.

Поэтому исходя из сущности правоприменительной деятельности и ее задач, официальное существование в процессе применения норм права проекта, например, решения суда, противоречит сущности правоприменения. Этот наш вывод обусловлен тем, что процессуальными законами закреплено требование о документальном оформлении правоприменительного акта, правоприменительный индивидуальный акт-действие объективируется вовне перед его адресатами только в виде принятого в соответствии с процедурными требованиями акта документа и, как правило, непосредственно после принятия.

В отличие от нормативных правовых актов, для правоприменительных актов действующим законодательством не предусмотрена процедура официальных чтений и обсуждений их проектов, их отправка на доработку. В правовом поле вообще отсутствует такое понятие, как «проект правоприменительного акта» (проект решения, постановления, определения и т. п.). Он может существовать только для правоприменителя в ходе подготовки окончательного текста акта для его личного использования в целях его доработки. В настоящее время о проектах правоприменительных актов как документах говорится в арбитражном процессе применительно к функциям помощников судей, в обязанности которых входит и подготовка этих проектов.

В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что, даже допустив, что юридическая техника как видовая категория соотносится с технологией подготовки проектов правовых актов, техники подготовки проектов правоприменительных актов как подвида правоприменительной техники существовать не может. При этом, представленные выше видовые классификации сложились давно и используются в том или ином варианте практически всеми учеными, исследующими эту проблему.

В настоящей работе мы берем за основу классификацию юридической техники по видам юридической деятельности и, соответственно, выделяем законодательную, правоприменительную техники, а также техники исполнения, использования и соблюдения права.

Полагаем, что такой разнорядностью в понимании природы юридической техники и совмещением в рамках ее содержания разнородных элементов обусловлены, прежде всего, сложившейся парадигмой исследований юридико-технической проблематики. Логическим следствием этой тенденции может стать исчезновение юридической техники как самостоятельной концепции и ее растворение в юрислингвистике (судебной лингвистике) или правовой герменевтике. Например, об этом пишет А.С. Александров: «Юридическая техника означает владение словом, оперирование в текстовых полях юридического языка. <...> Юридическая техника – это оперирование средствами юридического языка (включая актуализацию коннотативных значений, идиолектов сообразно общественным ожиданиям) с целью истолкования смысла юридической нормы – текста в данном контексте...

юридическая техника наводит первичные связи между синтагматическими цепями». Соответственно, исходя из такого видения сущности юридической техники и ее соотношения с лингвистикой, автор делает следующий вывод: «Судебная лингвистика, правовая герменевтика – продвинутые формы юридической техники, за ними – будущее». При этом, в его понимании «судебная лингвистика... включает в себя юридическую технику наряду с другими составляющими юридического дискурса (например, судебная риторика)» [1].

Некоторые ученые также предлагают включить юридическую технику (ее законодательную разновидность) в состав новой научной концепции, предметом которой является законодательная деятельность и которая называется «легистика». Об этом, например, пишет Г.И. Денисов. Он обосновывает необходимость включения юридической техники в состав легистики ссылкой на профессора Швейцарской академии государственного управления Л. Мадера, который объединяет в составе легистики «...элементы науки, искусства и мастерства и ставит в центр внимания как содержание законодательства, так и его форму» [21].

Таким образом, в современных исследованиях, посвященных проблематике юридической техники, она выступает в виде придатка лингвистики либо различных законотворческих дисциплин.

Поэтому можно полностью согласиться с Г.И. Муромцевым, по мнению которого, отсутствие единого понятия юридической техники делает весьма проблематичным его использование в качестве научного. «...Понятие «юридическая техника», – пишет он, – приобретает все большую многозначность и подвижность, что крайне нежелательно, поскольку всякая научная категория должна иметь лишь одно значение» [52, С. 29]. Автор видит два пути решения указанной проблемы.

В частности, он предлагает либо отказаться от понятия юридической техники вообще и заменить его другим, более адекватным, либо достигнуть договоренности между юристами, учеными-правоведами о ее приемлемом новом значении.

Таким образом, представляется крайне проблематичной возможность убедить ученых-правоведов относительно понятия юридической техники согласиться на одно общее определение, включающее различные, но связанные между собой элементы.

Однако считаем, что указанные выше тенденции ведут не к исчезновению юридической техники, а скорее показывают, что она не может охватить всех практических и прикладных аспектов юридической деятельности. Эту проблему, на наш взгляд, решает выделение в научном знании такого понятия, как «юридические технологии».

Современная ситуация в области разработки проблем юридических технологий свидетельствует о ее формирующемся характере. Подтверждением этому является, с одной стороны, отчетливая тенденция роста научного интереса к вопросам юридической техники, придание проблеме нового видения, с другой – все более частое употребление в научной литературе таких понятий, как «юридическая тактика», «юридическая стратегия» и, конечно же, «юридические технологии». Все это свидетельствует о незавершенности процесса формирования понятия юридических технологий, в частности, отсутствия четкой системы категорий для определения юридической техники, тактики, стратегии с учетом их «пересекающегося» характера. Думается, условием дальнейшей плодотворной разработки проблемы является приведение всего разнообразия подходов к некоему «общему знаменателю», прежде всего, на понятийном уровне.

В литературе существует несколько подходов к определению понятия «юридическая технология». Так, Н.А. Власенко, один из первых исследователей этого вопроса, взяв за основу энциклопедическое понимание термина «технология», полагает, что под «юридической (правовой) технологией» следует подразумевать порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), под которым в широком смысле понимается итог, результат юридической деятельности» [14, С. 151-167]. Данного определения придерживается и Т.В. Кашанина [33, С. 77-78].

К.Н. Княгинин, также как и Н.А. Власенко, опирающийся на терминологические различия понятий «техника» и «технология», определяет юридическую технологию как самостоятельное понятие, однопорядковое с юридической техникой, ни одно из которых не поглощает другое.

Таким образом, в самом общем приближении оба этих автора исходят из того, что юридическая технология включает в себе инструментарий, позволяющий использовать входящие в состав юридической техники средства.

Однако, в отличие от Н.А. Власенко, для которого, как отмечалось, юридическая технология представляет собой порядок применения методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), К.Н. Княгинин понимает под юридической технологией совокупность приемов и способов использования средств юридической техники и знаний об этих приемах и способах (это определение технологии-знания и технологического процесса в самом общем виде) [42, С. 3-4].

Различия в приведенных выше определениях юридической технологии отчасти можно объяснить тем, что их авторы по-разному видят сущность юридической техники (Н.А. Власенко понимает под юридической техникой, как уже отмечалось, совокупность средств и приемов, а К.Н. Княгинин – только совокупность средств). Соответственно, они дают определения юридической технологии, не совпадающие по содержанию.

По этому же «терминологическому» пути идет и С.С. Алексеев, проводя параллель между юридической техникой и юридической технологией, исходя из их аналогии с материальной техникой, в которой, с одной стороны, выделяются средства техники, то есть машины, оборудование, а с другой – методы, приемы их использования, то есть технология. На этом основании С.С. Алексеев различает собственно юридическую технику, под которой он понимает юридические конструкции, и юридическую технологию как часть юридической техники – способов изложения норм, систему отсылок [2, С. 268].

Эта позиция подвергается критике В.Н. Карташовым [32, С. 158]. Он полагает, что С.С. Алексеев необоснованно упрощает природу юридической технологии и неправомечно включает ее в содержание юридической техники. По его мнению, юридическая технология по своему содержанию шире юридической техники, которая представляет собой только совокупность средств, с помощью которых достигаются цели юридической технологии. С его точки зрения, юридическая техника в виде набора определенных средств сама является элементом юридической технологии.

Как отмечалось, В.М. Баранов полагает, что термин «юридическая техника» неточен, противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции. По его мнению, этот термин не согласуется с обоснованным различием между наукой и техникой. Для этого, указывает В.М. Баранов, необходимо применять другой термин – «юридическая технология» [58, С. 11-12].

Свою солидарность с данной точкой зрения выражает Т.Я. Хабриева, которая указывает на то, что задача повышения эффективности законодательства может быть

решена только при умелом использовании новых юридических технологий. Юридические технологии позволят обеспечить высокое качество нормативных правовых актов, устойчивость правового регулирования; дадут возможность систематически и планомерно воздействовать на правотворчество, не допуская и исправляя юридические ошибки, а также влиять на правоприменительную практику.

Т.Я. Хабриева определила юридические технологии как систему научно обоснованных приемов, способов и других правовых инструментов, а также процедур их использования, которые позволяют оптимально применять необходимые ресурсы (финансовые, организационные, кадровые и т. д.) в целях обеспечения действенности юридических решений [40]. Однако, по нашему мнению, исходя из данного определения понятия, юридическая техника и юридические технологии – категории не идентичные и не могут быть поставлены в один терминологический ряд как тождественные понятия.

Т.Я. Хабриева выделила несколько основных направлений развития юридических технологий. Классической юридической технологией была и остается, по мнению автора, юридическая техника, под которой традиционно понимается совокупность в праве средств и приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов [40, С. 15].

Считаем продуктивным попытаться проанализировать соотношение понятий «юридическая техника» и «юридические технологии».

Для осмысления особенностей соотношения понятий «юридическая техника» и «юридические технологии» можно провести сравнительную параллель с терминами «техника» и «технология».

Раскрывая указанные понятия, необходимо, как представляется, обратиться к толковым и другим словарям и проанализировать, как в них обозначаются слова «техника» и «технология». Слово «техника» (от греч. *techne* – искусство, мастерство) [44, С. 453] трактуется ими как многогранное слово. Оно обозначает как «совокупность средств человеческой деятельности, созданных для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей общества» [64, С. 606], так и «совокупность машин, механизмов, приборов, устройств, орудий той или иной отрасли производства» [64], а также «совокупность навыков и приемов в каком-либо виде деятельности, мастерства» [64]. Термин «технология», как следует из словарей, образуется от слова «техника» и части слов «логия» (от греч. *logos* – слово; понятие, учение) [64, С. 346], составляющей сложные слова и соответствующей по значению словам «наука», «знание» [64].

Таким образом, слово «технология» обозначено в словарях как «совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» [54, С. 795].

Термин «технология» устойчиво вошел в научный оборот только в XVIII веке. «Древние такой науки совсем не знали и в новейшие уже времена эти познания французами и немцами представлены в виде науки» [70, С. 3]. Технология же определялась как наука, показывающая способы, которыми разнообразные произведения природы обрабатываются, приготавливаются и делаются товарами, и основательно объясняющие явления, при таком обрабатывании усматриваемые [70, С. 29]. Основателем «технологии» как отдельной дисциплины является немецкий ученый Иоганн Бекман [46, С. 61; 80, С. 355; 75, С. 298], в 1777 году написавший книгу «Введение в технологию или к познанию ремесел, фабрик и мануфактур, преимущественно тех, которые находятся в ближайшей связи с сельским хозяйством, полицией, камералистикой (с включением

очерков по теории искусств)», которая и явилась основой для последующего развития всей философии техники.

Философия техники, – как пишет Х. Ленк, – одно из важных направлений современной философской науки, призванное исследовать наиболее общие закономерности развития техники, технологии, инженерной и технической деятельности, проектирования, технических наук, а также их место в человеческой культуре вообще и современном обществе в частности, отношения человека и техники, техники и природы, этические, эстетические, глобальные и другие проблемы современной техники и технологии» [46, С. 8]. Особенно активно технологию и технику как философские понятия исследовали Э. Каппа, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Н. Бердяев, Х. Ионас, Л. Мэмфорд, Ж. Эллюль.

Следует отметить, что указанные сугубо технические понятия логически проецируются и на содержание таких юридических состояний, как юридическая техника и юридические технологии. Последние формально обретают ту же динамику и содержат в себе подобие тех же структурных элементов, которыми характеризуются техника и технологии. Юридическая техника и юридические технологии самым непосредственным образом взаимосвязаны, естественным образом обуславливают друг друга.

Сопоставление содержательного потенциала техники и технологии, с одной стороны, и структурных элементов юридической техники и юридических технологий, с другой стороны, не выявляет принципиальных функционально-сущностных расхождений между ними, а, напротив, свидетельствует об общности их природы [7, С. 69].

Подобно тому, как техника обслуживает процессы материального производства, юридическая техника как необходимый набор средств позволяет компетентным органам привносить в сферы правового регулирования и охраны общественных отношений наиболее рациональные и совершенные юридические акты, несущие в себе различные функциональные нагрузки. В свою очередь, компоненты многогранных производственных процессов по своей изначальной природе сопоставимы со структурными элементами тех или иных разновидностей юридических технологий.

Последние обеспечивают необходимые предпосылки для использования средств с помощью методов, способов и правил из арсенала юридической технологии, направленных на продуцирование наиболее качественных юридических актов как основы регламентирования соответствующих общественных отношений.

Достижения людей в области техники и технологий самым непосредственным образом сказываются и на развитии юридической науки, системы права, что в равной степени касается и таких состояний, как юридическая техника и юридические технологии. Отработанные (доведенные до совершенства) технические средства и технологические приемы и правила (только в иных формах, в ином содержательном потенциале) проявляют себя в процессе подготовки, принятия, изложения соответствующих юридических документов.

Интересно, что по отношению к власти понятие «технология» стало применяться еще позднее – со второй половины XX века, впрочем, «явления, которые оно обозначает, изучали гораздо раньше» [71, С. 5-6]. Таким образом, представляется естественным, что технология, вторгаясь в узкие, отдельные сферы деятельности человека, обретает «индивидуальность», наполняясь особенным содержанием, специфичным для любого рода деятельности.

Так, в политологии применяется понятие технологии власти. По определению Л.Г. Титовой, это «совокупность средств и методов, употребляемых властным субъектом в

процессе воздействия на объект с целью изменения его поведения в направлении, необходимом субъекту» [71, С. 19]. По утверждению того же автора – это «способы властного действия, которые осуществляются в рамках норм, действующих в данном конкретном обществе, и девиантные технологии, противоречащие нормам общественной морали или закону» [71, С. 21].

На стыке политологии и юриспруденции выделяются так называемые избирательные технологии – это «система методов, средств и приемов организации и решения задач каждого этапа избирательной кампании» [63, С. 36]. А.А. Джабасов выделяет «политическую технологию избирательных кампаний», то есть «совокупность приемов, методов воздействия на избирателя, основанных на определенных научных разработках, конкретных социологических исследований, с целью достижения политического успеха определенной политической силы на выборах, использующей для достижения этой цели средства политической рекламы и методы “публик рилейшн”» [22, С. 61].

В социологии выделяются технологии социальной работы с инвалидами и пожилыми людьми, семьей, мигрантами (беженцами) и т. д. [60, 69] Так, Н. Стефанов следующим образом определяет социальную технологию – это «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности» [65, С. 182-183]; М. Марков – как «способ реализации конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно» [48, С. 48].

Г.К. Селевко рассматривает деятельность «педагогической технологии в качестве науки, исследующей наиболее рациональные пути обучения, и в качестве системы способов, принципов и регулятивов, применяемых в обучении, и в качестве реального процесса обучения» [61 С. 14]. Можно привести целый ряд аналогичных примеров для других областей гуманитарного знания. Можно согласиться с утверждением, что одной из функций права выступает функция «накопителя социальных технологий», поскольку «правовые процедуры фактически являются теми самыми социальными технологиями, отражающими «лучшую практику» решения важных и поддающихся стандартизации вопросов социальных взаимодействий» [18, С. 116].

За множеством определений и подходов к пониманию «технологии» важно не упустить главное: в современном мире любое используемое явление обретает полифункциональное значение, становится многогранным, реализуемым в различных сферах деятельности человека.

Таким образом, в процессе анализа нами установлено соотношение понятий, которые, как правило, включаются в предмет технологий. Так, в энциклопедическом понимании технологию можно определить как систему приемов (операций) и правил, а в широком смысле – способов и методов (тактику), планов и прогнозов (стратегию) осуществления компетентными субъектами деятельности, направленной на наиболее эффективное и оптимальное достижение ее целей, получения запланированного результата на основе выработанных принципов.

Однако, как представляется, юридические технологии нельзя сводить только к практике или только к науке. Исходя из сущности общего определения технологии, к ее сфере должно относиться как использование, так и само производство научно-технологических знаний.

Как верно отметил в середине 50-х годов XX века И.Л. Брауде применительно к законодательству, «резкой границы между законодательной техникой и наукой права нет и

быть не может. Законодательная техника основана на науке права, и правовая наука входит в законодательную технику неотделимым от нее элементом» [10-11]. Этот же процесс наукоемкости можно спроецировать и на юридические технологии. Эту же формулу можно распространить и на правоприменительную технологию. Так, с одной стороны, технология в разработке и применении своих методов и правил должна основываться на общих положениях, разработанных юридической наукой, а с другой стороны, юридическая технология в свою очередь обогащает юридическую науку своими данными для более эффективной помощи юридической практике, дополнения объекта исследования юридических наук и усовершенствования норм права.

Соответственно, если наука права дает обобщенные, принципиальные знания о праве (нормах должного и дозволенного поведения и реакции на противоправное поведение), то технология содержит в себе знания о том, каким образом и как следует осуществлять деятельность по созданию права и его приспособлению к конкретным жизненным обстоятельствам и условиям, каким конкретно образом следует осуществлять деятельность по реализации правовых норм, а также вырабатывает комплекс особых научно-технологических знаний о создании и реализации права на практике, который становится объектом исследования в рамках науки права и может служить основанием для выработки правовой наукой новых правовых концепций.

Кроме того, в силу своей специфики юридические технологии являются предметом специальной прикладной юридической науки, которая также приспособливает для своих целей данные других, «неюридических», наук в зависимости от поставленной цели [24, С. 151-167].

Однако следует отметить, что данные применяемых для целей юридических технологий наук используются не напрямую, а лишь после их преобразования в специфическое технологическое знание, на основании которого и можно точно установить, какие конкретно юридико-технологические средства необходимо использовать в реальной юридической деятельности в целях достижения желаемого ее субъектом результата. Совокупность технологических знаний такого рода и основанных на них знаний юридико-технических средств, юридико-технологических правил, способов, приемов и методов может составлять содержание юридической технологии как прикладной юридической науки.

Если к юридической технике относят систему приемов, способов, средств, правил подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования компетентными органами наиболее совершенных по форме, структуре, содержанию и изложению нормативных правовых, правоприменительных и интерпретационных актов, то юридические технологии рассматривают в качестве более объемного понятия.

Содержание юридических технологий составляют не только приемы, способы, правила создания нормативных правовых и иных юридических актов, но и определенные действия, стадии, этапы, обуславливающие процесс подготовки, обсуждения, принятия, опубликования соответствующих юридических актов [82, С. 55]. Как полагает С.Н. Болдырев, специфику процессов подготовки и изложения юридических актов на том или ином этапе определяет то обстоятельство, что лежащие в основе этих процессов приемы и способы становятся типичными только для данных этапов, стадий. Целевая направленность юридических технологий как раз и состоит в согласовании и обеспечении последовательности действий, стадий, этапов, определяющих процессы подготовки и

принятия законов, подзаконных нормативных актов, правоприменительных и иных юридических актов [7, С. 65].

В то же время следует отметить, что термин «юридические технологии» пока не обрел четкой определенности и должного места в теории права. Его привлекательной стороной является то, что он подчеркивает динамику тех приемов, способов, средств, правил, которыми руководствуются компетентные органы в процессе подготовки и принятия нормативных правовых и иных юридических актов. Юридические технологии раскрывают механизм функционирования компонентов юридической техники. Свойства юридических технологий проявляются в видовом многообразии технологий юридической деятельности.

По мнению В.И. Червонюк, законодательные технологии «в социально- правовом смысле – это методы применения технико-юридических, политических, информационных, психолого-идеологических и иных средств, приемов, обеспечивающих подготовку и принятие необходимого определенным социальным группам или всему обществу закона, а также используемые в этих целях законодательные процедуры. Это также методы давления на законодателя или общественное мнение, направленные на достижение тех же целей» [76, С. 437-442]. Сказанное в равной степени может характеризовать значение юридических технологий в отношении и правоприменительной, и правоинтерпретационной деятельности.

По нашему глубокому убеждению, юридическая техника и юридические технологии – тесно взаимосвязанные составные части юридического процесса, а именно: подготовки и принятия нормативных, правоприменительных и правоинтерпретационных актов.

Следует подчеркнуть, что особенно значимо использование средств юридической техники, которое направлено на достижение конкретной цели, – это воплощение в нормативных и иных правовых актах целесообразных по содержанию и форме, качественных по структуре правовых установок как основы эффективного правового регулирования общественных отношений. Техничко-юридический инструментарий, как утверждает С.Н. Болдырев, улучшает качество и должным образом повышает социальную значимость принимаемых и функционирующих юридических актов во всем их многообразии [8, С. 79].

Чисто техническое, в значительной степени скрытое, кажущееся сугубо внутренним проявление элементов юридической техники постоянно испытывает влияние потенциала юридических технологий как явления, исходящего из внешней среды. Так, проявления правовой политики, публичной критики процессов правотворчества, изъянов и ошибок в правоприменительной деятельности оказывают значительное влияние на процессы разработки, принятия, изложения, обнародования соответствующих нормативных правовых и иных юридических актов.

Итак, при подготовке, обсуждении, принятии, изложении, обнародовании законов, подзаконных нормативных актов, актов применения норм права, интерпретационных актов в рамках взаимосвязанного механизма обнаруживают и проявляют себя структуры юридической техники и юридических технологий, что имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Традиционное представление о юридической технике как о системе средств, приемов, способов, правил разработки, принятия, применения, толкования компетентными органами соответствующих юридических актов в современных условиях несколько утрачивает свою автономию, сугубо механическую структуру в связи с усложнением, объемностью

процессов правотворчества, реализации (и прежде всего применения) законов и подзаконных нормативных актов, проведения правового всеобуча и правового воспитания членов общества, повышения уровня правосознания и правовой культуры субъектов правовых отношений.

Сохраняя свои функциональные свойства, юридическая техника может добиваться своей целевой направленности только в тесном контакте с адекватной юридической технологией в соответствующих формах правовой деятельности и при неременной опоре на стратегию и тактику правовой политики, проводимой на данном этапе развития общества и государства. Таким образом, есть все основания рассматривать юридическую технику и юридические технологии в качестве двух сторон единых процессов по принятию, применению, толкованию многочисленных нормативных правовых актов.

В юридической литературе высказано мнение о том, что понятие «юридическая техника» рассматривается как достаточно неточное и где-то противоречивое, и есть только дань традиции [4, С. 11].

Возможно, данный термин не имеет достаточно полной юридической определенности, специфики, поскольку сочетается с различными смысловыми понятиями. Н.Н. Тарасов различает технократическую, естественнонаучную и социокультурную разновидности техники [67, С. 8]. Эти термины были заимствованы юридической наукой, адаптировались в сферах научной мысли, обрели свою содержательную специфику и наиболее четко отразились в понятиях «юридическая техника», а затем и «юридическая технология». На наш взгляд, нет никаких оснований отказываться от этих понятий, так как другие термины суть содержания сложившихся смысловых конструкций не изменят.

Неконструктивным представляется мнение о том, что термин «юридическая техника» следует заменить другим – «юридическая технология» [13, С. 8-9; 50, С. 44-45]. Юридические технологии имеют значительно более объемную содержательную базу по сравнению со структурой юридической техники. Элементы юридической техники выступают в качестве довольно точного инструментария, лежащего в основе придания юридическим актам желаемого качества. Юридические технологии – явление в большей степени динамическое, обладающее многообразием элементов, выходящее за пределы параметров юридической техники. Поэтому, как представляется, было бы необоснованно подменять содержательные аспекты юридической техники потенциалом юридических технологий, поскольку такая подмена могла бы устранить, размыть ту целевую направленность, которая всегда была присуща юридической технике в ее буквальном понимании.

Например, подобный подход к анализу соотношения понятий юридической техники и технологии принят за основу А.А. Деревниним. Автор, обосновывая вывод об истинности определения юридической технологии, сформулированного С.С. Алексеевым, и, соответственно, об ошибочном определении его сути В.Н. Карташовым, пишет: «Учитывая те значения, которые имеют «техника» и «технология» в современном языке¹⁷, наиболее правильно, как мы думаем, использовать их при рассмотрении проблем юридической техники в следующих смыслах <...> юридической технологией являются технические приемы изложения нормативных и индивидуальных актов. Такое понимание юридической технологии вполне согласуется с тем значением слова «технология», которое содержится в

¹⁷ Во взятом А.А. Деревниним за основу Словаре русского языка С.И. Ожегова 1991 года под редакцией Н.Ю. Шведовой технология определяется как «совокупность производственных ме-тодов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства».

словарях. Суждение же на этот счет В.Н. Карташова расходится с таким его значением, а потому и ошибочно» [23].

Следует отдельно отметить, что В.Н. Карташов, в отличие от С.С. Алексеева и подавляющего большинства других ученых, создает свою концепцию юридической технологии, при этом основывается не только на терминологических особенностях понятия «технология», но и обращается за подтверждением своей теории к другим правовым учениям, тесно связанным с практическим, материальным аспектом юридической деятельности, например, к криминалистике как научно-прикладной дисциплине, обслуживающей юридическую деятельность в уголовно-правовой сфере. Так, автор включает в содержание юридической технологии некоторые заимствованные из криминалистики элементы, способствующие более успешному осуществлению юридической деятельности, а именно: основываясь на том, что тактика и стратегия присущи не только следственной и судебной, но и любой юридической практике, он вводит в состав технологии юридическую стратегию и юридическую тактику по аналогии с криминалистической тактикой и криминалистической стратегией [32, С. 19].

Кроме того, В.Н. Карташов выделяет в юридической технологии и гносеологический аспект, вследствие чего он различает два значения юридической технологии. В первом значении он понимает под юридической технологией «...основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности», а во втором – систему знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики [32, С. 22].

Таким образом, В.Н. Карташов расширяет установленную Н.А. Власенко и К.Н. Княгининым сферу действия юридической технологии, включая в нее процесс обнародования правовых актов, вводит в содержание юридической технологии два новых, ранее не выделявшихся, элемента – тактику и стратегию, вычленяет из юридической техники познавательную сторону и соотносит технику и технологию обратно пропорционально тому, как это делалось до него: техника является составной частью технологии, а не наоборот¹⁸.

В.В. Лазарев, исследуя проблему учета решений Конституционного Суда РФ в законодательной деятельности, расставляет понятийные акценты следующим образом: юридическая техника понимается в ее широком и узком значении, то есть «речь идет не только о средствах (технике) выражения законодательной воли в тексте закона, но и об отношениях, связанных с подготовкой законопроекта вообще. Прежде всего, имеется в виду “технология”» [45, С. 47].

А.К. Черненко полагает, что «правовая технология есть метод конструирования устойчивой правовой системы» [77, С. 25].

Кроме того, несмотря на отличия проведенных выше видений понятия юридической технологии или их отличия от концепций юридической техники, всем им присуща одна принципиально объединяющая их черта. А именно: как видно из предыдущего исследования, все авторы, оперирующие понятием «юридическая технология», прежде всего, видят предназначение юридической технологии в обслуживании процесса создания

¹⁸ Позиция В.Н. Карташова уже разделяется некоторыми учеными. Например, с его определением соотношения техники и технологии согласны Р.А. Ромашов, С.В. Бахвалов, С.В. Судакова, посвятившие свои кандидатские диссертации исследованию различных видов юридической технологии. Но Т.В. Кашанина включает технологию в состав техники, как это делают С.С. Алексеев и его последователи.

итоговых правовых актов различной юридической силы (преимущественно построенных в форме правовых актов-документов). Различие между ними заключается только в объеме охвата инструментарием юридической техники сопутствующего этому или следующего за ним процесса.

Например, Н.А. Власенко указывает, что в качестве создаваемых средствами юридической техники и приемами юридической технологии юридических решений как итогов юридической деятельности в широком смысле слова могут выступать «нормативные правовые акты, решения суда по гражданскому делу, гражданско-правовой договор, акт-толкование Устава области, сборник нормативных правовых актов по тому или иному вопросу, комментарий к закону области и т. п.» [14, С. 8].

Таким образом, и у авторов, декларирующих предназначение юридической технологии, мнения сходятся в одном: она предназначена для обеспечения организации деятельности, предшествующей созданию правовых актов, а юридическая техника сводится к средствам, обеспечивающим эту деятельность.

Например, В.Н. Карташов в качестве средств юридической техники выделяет средства общесоциальные (язык, выражающие его части речи, знаки, языковые единицы, буквы, цифры, понятия, суждения, разнообразные социальные нормы), специально-юридические (юридические понятия и термины, акты и иные правовые предписания и т. п.) и технические (приборы и инструменты: множительная техника, компьютеры, оргтехника и т. п.) [32, С. 18]. Все эти средства объединены общей целью использования – они предназначены для создания и тиражирования текстов правовых актов. Такой подход к пониманию сферы обслуживания юридической деятельности инструментарием юридической техники представляется нам верным, так как наглядно показывает сферу применения юридической техники и юридической технологии.

Таким образом, из приведенного выше анализа концепций юридической техники и юридических технологий видно, что расширение понятия юридической техники приведенными выше способами или введение дополнительного понятия юридических технологий обусловлены принципиальными обстоятельствами. Однако, как и ранее, основное предназначение юридической техники и технологии представленные авторы видят в создании правовых актов-документов (причем в создании преимущественно текстов правовых актов) и сообразно этому обосновывают систему средств техники или методов, способов, правил и приемов технологии. Между тем юридическая деятельность не сводится только к созданию правовых документов, помимо этого она может осуществляться в форме применения, соблюдения, исполнения и использования права.

Однако для того чтобы эффективно создавать право и применять его, необходима определенная упорядоченная система, своеобразный свод правил, принципов, приемов, способов и методов, объединяемых в одном системном образовании, иначе возникает большая вероятность нарушения функционирования системы в целом. Таким системным образованием, сформировавшимся в процессе накопления юридических средств и их нарастающего использования в юридической практике, становится, по нашему мнению, выделяющаяся из юридической техники юридическая технология.

Поэтому есть все основания утверждать, что главным источником формирования юридической технологии явилась юридическая техника, усложнение составных элементов которой и потребовало выделения юридической технологии в относительно самостоятельную сферу знаний, предметом которой является системное взаимодействие новой разновидности явлений – юрико-технологических средств, состав и

взаимодействие которых и есть собственное содержание и форма юридической технологии.

Литература

1. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 4-6.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982.
3. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989.
4. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 11.
5. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
6. Бойко Л.М. Теоретические проблемы законодательной техники. Проблемы совершенствования современного законодательства. М., 1997.
7. Болдырев С.Н. Юридическая техника и судебная власть: концептуальный анализ. М., 2010.
8. Болдырев С.Н. Юридическая техника и юридические технологии: соотношение и значение // Право и политика. 2011. № 4. С. 20-25.
9. Братусь С.И. Значение систематизации советского законодательства и теоретические вопросы, возникающие при систематизации: Тезисы докладов и сообщений. М., 1961.
10. Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52-59
11. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М., 2010.
12. Вишневский А.Ф., Дмитрук В.Н. Теория и практика подготовки проекта нормативного правового акта. Минск, 2005.
13. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
14. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
15. Волков С.В., Малышева Н.И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники: Обзор мнений Л.А. Барышевой, Р.А. Ромашова и других ученых относительно понятия юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 182–198
16. Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России: историко-правовое исследование. М., 2009.
17. Гетманова А.Д. Логика для юристов. М., 2008.
18. Глигич-Золотарева М.В. Метаморфозы правового регулирования // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 1-2.
19. Головкин Р.Б., Краснов М.А. Технология регулирования общественных отношений: правовое противодействие: Монография. Владимир, 2012.
20. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

21. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 86-96.
22. Джабасов А.А. Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 2000. № 2. С.56-62.
23. Деревнин А.А. О понятии юридической техники. URL: <http://www.izpi.ru>
24. Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
25. Долотова Д.В. Техника и технология правовых актов (на примере правовых актов, издаваемых в уголовно-исполнительной системе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
26. Егоров С.Н. Силлогизм. СПб., 2007.
27. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.
28. Иванец Г.И. Законодательные технологии: постановка проблемы // Право и политика. 2001. № 2.
29. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
30. Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014.
31. Карташов В.Н. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль, 2007.
32. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
33. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007.
34. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права. М., 2009.
35. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль, 2010.
36. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1997.
37. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1998.
38. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
39. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 2000.
40. Кичигин Н.В., Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 13–29.
41. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014;
42. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
43. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права. Свердловск, 1961.
44. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
45. Лазарев В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.
46. Ленк Х. Размышления о современной технике / пер. с нем.; под ред. В.С. Степина. М., 1996.

47. Максимова Е.В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Монография. Уфа, 2012.
48. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.
49. Миняшева Г.И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов: монография. Уфа, 2012.
50. Миронов А.Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 44–45.
51. Михалкин Н.В. Логика и аргументация в судебной практике. СПб., 2004.
52. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
53. Нормография: теория и методология нормотворчества / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007.
54. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. М., 1991.
55. Пиголкин А.С. Законотворчество в Российской Федерации. М., 2004.
56. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
57. Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под общ. ред. С.В. Полениной, В.М. Баранова и др. М., 2007.
58. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
59. Прянишников Е.А. Законодательная техника. М., 2004.
60. Руденко Л.Д. Технология социальной работы. Ярославль, 2004.
61. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998.
62. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография. М., 2011.
63. Смирнова А.Ю. Политические процессы и технологии в избирательных кампаниях 1996– 2004 гг. как объективная реальность современной России: дис. ... канд. полит. наук. Кострома, 2004.
64. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.
65. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
66. Сырых В.М. Законотворчество как вид социального проектирования // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 45–46.
67. Тарасов Н.Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 7 -11.
68. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
69. Технологии социальной работы / под общ. ред. Е.И. Холостовой. М., 2001.
70. Технология. СПб., 1817.
71. Титова Л.Г. Технология власти. Ярославль, 2004.
72. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника. М., 2000.
73. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Законность. 2003. № 5.
74. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород, 2008.
75. Философия науки и техники / под ред. В.С. Степина, В.Т. Горохова, М.Л. Розова. М., 1995.

76. Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2007.
77. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.
78. Чигидин Б.В. Юридическая техника российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
79. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006
80. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1891. Т. 3.
81. Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвуз. науч.-теор. конф., 17 июня 2005 г. СПб., 2005; Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006.
82. Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара // Юрист. 2000. № 1.
83. Юридическая техника: словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., 2014.
84. Юридические технологии в правовой политике современной России: сборник научных статей / под общ. ред. А.В. Малько, М.А. Костенко. Таганрог, 2011.

Kolesnik I.V. Juridicheskaja tehnika i juridicheskaja tehnologija v sovremennoj rossijskoj pravovoj nauke / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.